

ХОДЖАЕВ У. А. — в ПОМПОЛИТ

ХОДЖАЕВ (Тура Ходжаев) Убайдулла Асадуллоевич, родился в 1886 в Ташкенте (из ремесленников). Окончил Саратовский университет, служил адвокатом в Ташкенте, с 1913 — под его руководством выходила газета "Садои Туркестан", участвовал в создании в Андижане подпольной организации "Тараккий-парварлар" ("Сторонники прогресса"), вел революционную работу среди мусульман, тесно контактировал с эсерами. До революции — имам¹ в Самарканде, в мае 1917 — делегат I Всероссийского мусульманского съезда, избран членом Всероссийского мусульманского Совета, в сентябре член президиума объединенного Туркестанского Совета солдатских, рабочих, киргизских, крестьянских и мусульманских делегатов. Министр внутренних дел Туркестанского автономного правительства, с конца февраля 1918 — после разгрома республики вступил в РКП (б), с 1920 — вышел из партии. Занимался просветительской и литературной деятельностью. В 1929 — арестован и приговорен за "халатное отношение к служебным обязанностям" к 1 году принудительных работ. В 1931 — арестован по обвинению «в контрреволюционной деятельности». 15 мая 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку на тот же срок и отправлен в Никольск Северного края². 15 мая 1934 — срок приговора снижен до 7 лет. В 1937 — досрочно освобожден, остался в Ташкенте. 20 февраля 1938 — арестован по обвинению «в шпионаже и принадлежности к антисоветской националистической организации» и заключен в тюрьму.

В ноябре 1938 — обратился за помощью к "Помощь политзаключенным".

<17 ноября 1936>

«Заключенного в тюрьме г<орода>
Никольска Северного края
Убайдуллы Асадуллоевича ХОДЖАЕВА

Ж а л о б а

Отбывая по постановлению ОГПУ от 1931 г<ода> десятилетнюю ссылку, сокращенную постановлением ЦИК СССР от 15/V-34 г<ода> до семи лет. Я проживал в г<ороде> Никольске, но 1 октября с<его> г<ода> вдруг арестован Никольским районным отделением УГБ НКВД.

11 октября допросили меня о том, с кем я поддерживал в Никольске знакомство, а 15/X дали мне прочесть постановление о предъявлении обвинения по 58-10-11 ст<атье> УК, в коей сказано, что я будто входил и принимал большое активное участие в раскрытой, якобы, в Никольске контрреволюционной группе, ставившей своей целью вербовку и подготовку кадров для антисоветского выступления в случае войны, и по заданиям "группы" я будто бы выезжал даже "на места" для связи со "своими". И, кроме того, приписывается мне всякая словесная небылица, вроде "агитации" и т<ак> д<алее>.

С ответственностью за каждое свое слово я утверждаю, что все это фантастическое обвинение в отношении меня — от начала и до конца чей-то вымысел и миф, не имеющий под собой никакой почвы, кроме разве бреда больных людей или какого-либо лжедоноса, как предлога для держания меня в тюрьме.

¹ В исламе имам — духовный руководитель, глава мусульманской общины.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 545. С. 72.

Разве это не бред больной фантазии, когда меня, человека тяжело больного, полного инвалида, двигающего дыша с трудом, — превратили в активного разъездного вербовщика каких-то "кадров" среди чуждого и незнакомого мне народа. В то время, когда я с нетерпением и вождедением жду, чуть не по дням отсчитывая месяц за месяцем, окончания срока моей ссылки, наступающей через 1½ года, когда я мог с радостью покинуть этот суровый для меня – южанина, край с чуждыми мне людьми. Однако в Никольском нашлись люди, у которых хватило совести и фантазии допустить мысль о том, что я могу быть вербовщиком кадров в Никольском районе для выступления во время могущей когда-нибудь наступить войны, не имея для этого в отношении меня и намека на основание. Когда все это мне объяснили, я чуть не ущипнул себя, думая, что все это сон, и не грезится ли все это мне.

Для характеристики "имеющихся" обо мне "материалов" приведу один образчик их: в постановлении от 28/IX об избрании меры пресечения, предъявленном мне 2/X, я назван б<ывшим> "лидером эсеров Закавказья".

На это я категорически заявляю, что я нигде, никогда, никаким не только лидером, но даже рядовым эсером не был. А в Закавказье же я был единственный раз в своей жизни в течение нескольких дней в 1902 году пятнадцатилетним мальчиком-школьником, как экскурсант в числе 30-и таких же мальчуганов-экскурсантов из Средней Азии. Не мог же я тогда попасть в лидеры эсеров Закавказья, а после я там не был никогда. А теперь в Никольске меня произвели в видные лидеры эсеров Закавказья. Экий вздор.

Эту справку я привел как пример "достоверности" "материалов" обо мне. Я убежден, что и все остальные "имеющиеся" против меня "материалы", если только они имеются, вздорны в том же духе. А может иметься максимум какой-либо лжедонос или лжеговор, послуживший поводом к моему аресту. Нужен же хоть какой-нибудь предлог, хотя бы неправдоподобный, чтобы держать человека в тюрьме. Но кому и для чего все это нужно.

Может быть, в Никольске кому-нибудь не понравилось постановление ЦИКа о сокращении мне срока, и здесь решили по-своему внести в него корректив. Очевидно, и в наше время не перевелись люди, желающие быть "строже самого короля". Кто знает...

Состояние моего здоровья настолько тяжелое, что я с трудом сижу, еле переведя дыхание, весь в отеках: страдаю различными сердечными болезнями, поражением центральной нервной системы и на их почве всякими иными болезнями <...> Живя на свободе, за отсутствием в условиях Никольска возможности лечиться, как надо, я кое-как поддерживал себя тем, что жил, строго соблюдая почти полный больничный режим и диету. Я давно неоднократно был признан врачебными комиссиями инвалидом 2 группы и неспособным ни к какому труду. Оттого, во все время проживания в Никольске в течение почти 4-х лет, я нигде не мог работать ни в каком качестве, живя на средства, присылаемые родными, а тут тюрьма, да еще в условиях такого захолустья, как Никольск, и исключительно на общем тюремном питании, т<ак> к<ак> у меня здесь никого, кто бы мне приносил "передачу". А мои домогательства о покупке мне хотя бы изредка из имеющихся на моем счету в конторе тюрьмы денег немного белого хлеба остаются безуспешными. За 1½ месяца не могли купить мне ни одного грамма белого хлеба, хотя врачом тюрьмы же предписано мне диетическое питание, но о таком питании нечего здесь и мечтать, а предписание врача – только фикция (между прочим, мне формально разрешено чтение и газет, и книг, но и это остается фикцией). Все это так заметно подтачивает

последние остатки сил и здоровья, что я почти не верю, что выйду живым из тюрьмы, если, заключение продлится еще несколько месяцев, что может легко случиться, т<ак> к<ак> знаю, что здесь есть люди, сидящие как подследственные восемь месяцев. А для меня эти полтора месяца уже сделали свое губительное дело, и каждый день заметно ухудшает мое состояние.

Все эти обстоятельства, главное — необоснованное и незаконное содержание меня под стражей, вынуждает меня обратиться к Вам за законной защитой и просить Вас вмешаться в мое дело и запросить по телеграфу основания моего ареста, а затем предложить хотя изменить меру пресечения, в виду моего тяжелого состояния, до окончания дела...

За конечный исход дела я спокоен, т<ак> к<ак> уверен, что все обвинения рассеются как дым, а пока... сидение подтачивает меня.

Добавляю, что за 1½ месяца я ни словом не спрошен и не допрошен ни разу об обстоятельствах, инкриминируемых мне как мои преступления, если не считать опроса 11/X о моих знакомствах в Никольске.

Мое обращение к Вам, минуя промежуточные инстанции, вызвано тем, что, зная из опыта других и собственного, я мало верю в то, что мое обращение вызовет какую либо реакцию со стороны этих инстанций.

г<ород> Никольск
17/XI

У. ХОДЖАЕВ»³.

В феврале 1938 — Убайдулла Асадуллоевич Ходжаев был переведен в Тобольскую тюрьму, 26 октября 1938 — приговорен к ВМН и 17 ноября расстрелян в Тобольской тюрьме⁴.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1503. С. 105-108. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1718. С. 44-45. «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.